

Гу Линьфань был измотан до предела, а Янь Су и вовсе находился на грани физического и душевного истощения. Стараясь сохранить подобающую Регенту осанку, он вышел за ворота дворца и, заметив прислонившегося к стене человека в темно-синих одеждах, позволил себе едва заметно выдохнуть.

Ли Шу на глазах у многочисленных чиновников вальяжно направился к Регенту. С необычайной грацией он подошел к нему и, ухватив за руку, ласково произнес:

— Ванъе, вы наконец-то вышли с утреннего доклада. Я ждал вас здесь уже довольно долго.

У ворот дворца воцарилась тишина.

В следующий миг чиновники увидели, как их величественный и прекрасный Регент одарил мужчину улыбкой и ответил тоном, в котором сквозило безграничное обожание:

— Заставил тебя ждать.

После этого оба — изящный мужчина и Регент — под руку радостно направились в сторону поместья.

Проходившие мимо сановники едва не споткнулись, с недоверием глядя им вслед. Спустя долгое время министр обрядов, поглаживая бороду, медленно проговорил:

— ...Ванъе тоже приходится нелегко.

Помощник министра растерянно отозвался:

— Но этот жест Ванъе... был таким внезапным.

Министр обрядов лишь усмехнулся, промолчав.

Ныне при дворе произошли резкие перемены. Чтобы развеять подозрения нынешнего императора, Ванъе добровольно взялся за неблагодарную работу, а теперь его и вовсе принудили доказывать свою лояльность отсутствием наследников. Поистине, нелегкая доля.

А самому Регенту, которому приходилось так нелегко, сейчас было не до разговоров: он всем весом опирался на Ли Шу. Лицо его было бледным как полотно, и он с досадой думал о том, почему раньше не замечал, насколько его венценосный брат зануден.

В этот момент он услышал тихий, полный сочувствия голос Ли Шу:

— Зачем ты так себя истязашь...

— Ли Шу, — тихо позвал Янь Су. Его бледное лицо стало серьезным. — Поддерживать меня — поддерживай, но не дергай так сильно за рукав. Боюсь, он скоро окончательно оторвется.

Ли Шу осекся и, нахмурившись, ускорил шаг.

Он знал: Его Высочество напоминает ему о том, что всё происходящее — лишь часть сделки.

Когда Янь Су вернулся в поместье, его черное парадное одеяние насквозь пропиталось кровью. Ли Шу, не раздумывая, подхватил его на руки и, выбрав тихий переулок, применил искусство легких шагов, помчавшись к резиденции Регента.

Огромное поместье пустовало, в нем даже не было управляющего. Переступив порог, Ли Шу воскликнул:

— Ду Хэн, Ду Чжун, Цин Дай, немедленно явитесь сюда!

В своей тревоге Глава Дворца даже не заметил, как привычное обращение «слуга» сменилось на властное «Я».

В пустом поместье зашелестели листья. Три Защитника Дхармы, уже привыкшие к тому, что Регент каждый день возвращается с доклада словно полуживой, а Ли Шу приносит его на руках, мгновенно и слаженно приступили к своим обязанностям.

Когда с него сняли черное одеяние, под ним обнаружилось пропитанное кровью белое исподнее. Тело Янь Су было покрыто шрамами, а края свежих ран на бледной коже воспалились и покраснели. Несмотря на это, Янь Су, лежа на кушетке, лишь крепко сжимал зубы, не издав ни звука.

Ду Хэн, поднося таз с водой, с недоумением произнес:

— Ванъе, вы каждый день на утренний доклад как на самоистязание ходите? Всего пять дней прошло, а раны уже трижды разошлись. Ради кого вы так стараетесь?

Он хотел добавить: Остались бы лучше во Дворце Цзюмин, стали бы супругом нашего Главы, разве не было бы это куда приятнее? Но эту фразу Ду Хэн, конечно, произнести не решился.

— Он — император Дунлина, мой государь, — Янь Су с трудом перевел дыхание, — и мой брат. Он приказал мне явиться, как я мог послушаться?

Сказав это, Янь Су снова стиснул зубы и замолчал. Чем больше он молчал, тем больше становилось Ли Шу. Наложив лекарство, он принялся осторожно надевать на него шелковое исподнее и с долей иронии заметил:

— Он специально затягивает утренние доклады, чтобы известить тебя. Зачем ты позволяешь ему так обращаться с собой?

Трое Защитников, как раз собиравшихся выйти, молча кивнули — Глава прав.

— А что мне остается? Что я могу сделать? — на лице Янь Су, которое до этого оставалось бесстрастным, промелькнула тень, и он усмехнулся: — Он уже на троне, весь мир признал его власть. Государь есть государь, и сколько бы горечи я ни копил в душе, я обязан называть его братом. Я был слеп, доверившись наставнику, который предал меня, но мы все же были учителем и учеником. Его слова о том, что тот, кто хочет достичь великого, должен уметь терпеть, я до сих пор помню отчетливо.

Янь Су откинулся на подушки. Его лицо, и без того фарфорово-белое, совсем лишилось красок от боли, а в глазах полыхал огонь затаенной обиды.

Люди из бывшего Восточного дворца после того, как его бросили в темницу, один за другим попадали в беду или совершали роковые ошибки. Всего за пять дней их не осталось в живых.

Какими же искусными методами владел его брат.

<http://bllate.org/book/21817/2258619>